

Чжао Хунмэй увидела, что одежда на Лян Каншэне висит мешком, и улыбилась более искренне:

— Каншэн, как здоровье в последнее время? Твой дядя уехал, а тётя боится выходить из дома с твоими двоюродными братьями, так давно не навещала тебя. Поздравляю с успешной сдачей окружного экзамена. В следующем году продолжай радовать сестру и зятя, привезя домой звание учёного!

Сказав это, она слегка сжала плечо старшего сына, намекая ему поздороваться.

Чжуан Чэнхун неохотно произнёс:

— Двоюродный брат.

Следом должна была подойти очередь Чжуан Чэнчжи. Чжао Хунмэй хотела, чтобы младший сын тоже вежливо поздоровался, но, прежде чем она успела приблизиться, он отстранился и, пыхтя от злости, посмотрел на Чжуан Чэнхуна, словно обвиняя брата в предательстве.

Как взрослый старший брат, Лян Каншэн, конечно, не стал бы спорить с двумя малышами. Он улыбнулся и перевёл разговор:

— Тётя, Чэнхун и Чэнчжи ещё малы. Сейчас их главная задача в школе — заложить основу, выучить иероглифы, а потом уже приступать к изучению классических текстов, таких как «Четверокнижие».

Чжао Хунмэй поспешно поддержала:

— Учитель тоже так говорит. Каншэн, ты ведь сдал окружной экзамен, и если и ты, и учитель так считаете, значит, это правильно.

На самом деле Чжао Хунмэй мысленно закатила глаза. Её Чэнхун ещё в начале года завершил начальное обучение и уже начал изучать «Четверокнижие» с учителем. Она спрашивала учителя, и тот сказал, что Чэнхун умный мальчик, только иногда не сосредотачивается на учебе, всё время норовит сбежать поиграть. Если он будет серьёзно учиться, то через два года сможет попробовать сдать уездный экзамен.

Лян Каншэн сдал уездный экзамен в пятнадцать лет, и Чжао Хунмэй мечтала, чтобы её сын превзошёл его, сдав экзамен до пятнадцати лет.

Она дёрнула старшего сына за руку:

— Чэнхун, ты слышал, что сказал двоюродный брат?

Чжуан Чэнхун отвернулся, не желая отвечать матери.

Ему надоела учёба. Он совсем не любил сидеть в школе и слушать, как учитель читает скучные тексты, от которых клонит в сон. Но отец и мать заставляли его учиться, угрожая, что иначе отправят работать в поле. Работать он хотел ещё меньше, чем учиться, поэтому пришлось скрепя сердце оставаться в школе. И вот, наконец-то выходной, а тут ещё приходится слушать этого раздражающего двоюродного брата с его разговорами об учёбе.

Когда Чжао Хунмэй хотела снова потянуться к Чэнхуну, Чжуан Чэнчжи вдруг указал на неё и сердито воскликнул:

— Хм, мама врёт!

Дома он слышал, как мама называла двоюродного брата «больным», говорила, что он всё время несёт чушь. А тут она вдруг согласилась с ним? Это мама врёт, мама обманывает!

Лицо Чжао Хунмэй изменилось. Она вспомнила, как однажды ругала Лян Каншэна, и её младший сын подслушал. Она поспешно подошла и зажала рот Чжуан Чэнчжи, глядя на него с гневом:

— Чжуан Чэнчжи, если будешь болтать глупости и вести себя невежливо, я больше не буду брать тебя в гости к тёте!

С зажатым ртом Чжуан Чэнчжи продолжал протестовать:

— У-у! А-а! У-у-у!

Госпожа Чжуан, увидев это, поспешила вмешаться:

— Невестка, Чэнчжи ещё маленький. Если что-то случилось, давайте объясним ему спокойно, не сердитесь на ребёнка.

— Этот ребёнок, если его три дня не побить, полезет на крышу! Если его не воспитывать, он вырастет совершенно неуправляемым! — в душе Чжао Хунмэй была и злая, и испуганная. Она боялась, что сын выдаст её слова и испортит отношения между семьями. Она и её муж действительно строили планы против семьи Лян, но пока ещё не получили то, что считали своим.

Чжуан Чэнчжи не понял чувств матери и решил, что она действительно собирается его побить. Он изо всех сил оттолкнул её:

— Я пойду к папе!

Выбегая за дверь, он посмотрел на Лян Каншэна и Цюй И, стоявших у входа, и злобно выкрикнул:

— Больной! Противный!

Взгляд Чжуан Чэнчжи был точной копией взгляда Чжуан Цинцзэ, а тон он перенял у Чжао Хунмэй, не проявляя никакого уважения к двоюродному брату.

Лян Каншэн, получив такой взгляд от младшего брата, совсем не разозлился, лишь слегка нахмурился и, кашлянув, с неодобрением посмотрел на убегающего мальчика.

Как девятилетний ребёнок мог знать слово «больной» и специально использовать его против Лян Каншэна? Кто-то его научил. Кто же это был?

Никто не знал, где Чжуан Чэнчжи научился этим словам. Может, это был Чжуан Цинцзэ, может, Чжао Хунмэй, а может, он сам где-то подслушал.

Как бы то ни было, эти три слова он произнёс чётко и громко, так что все в комнате услышали их ясно и понятно.

Чжао Хунмэй на мгновение остолбенела, наблюдая, как Чжуан Чэнчжи выкрикнул это и убежал, не успев остановить его.

Не только Чжао Хунмэй была в шоке, Госпожа Чжуан тоже была потрясена. Лян Каншэн был её единственным сыном, с детства слабым здоровьем, что вызывало у неё особую тревогу. Она всегда следила за своими словами, чтобы не сказать ничего плохого.

И вот сейчас, прямо у неё на глазах, кто-то назвал её сына «больным». Как она могла это вынести? Даже если это был её любимый племянник, сердце матери всегда болело за своего ребёнка.

Взрослые в комнате замерли, не зная, что сказать. Чжуан Чэнхун, даже будучи не самым умным, понимал, что брат сказал что-то не то. Он переводил взгляд с одного на другого, радуясь, что внимание матери переключилось на брата, и он мог спокойно сидеть.

С примером Чжуан Чэнчжи перед глазами, Чжуан Чэнхун спокойно сидел в комнате, время от времени перекусывая, совсем не беспокоясь о сбежавшем брате.

Чжао Хунмэй через некоторое время пришла в себя и закричала:

— Сестра, этот ребёнок совершенно невыносим! Не знаю, где он набрался таких слов! Сейчас же пойду и приведу его обратно, хорошенько отлуплю!

Госпожа Чжуан, хотя и чувствовала себя неловко, не могла ничего сказать, только уговаривала Чжао Хунмэй не сердиться на ребёнка:

— Невестка, Чэнчжи ещё маленький. Если он сказал что-то не то, давайте объясним ему спокойно, расскажем, как правильно.

Лян Каншэн, дождавшись, пока они выскажутся, неспешно произнёс:

— Мама, тётя, может, стоит кого-то послать за Чэнчжи? В последние дни у нас в доме много людей.

— Верно! Нужно срочно вернуть Чэнчжи. — Госпожа Чжуан, вспомнив, что в последнее время в их доме живут люди из семьи Цюй, включая двух девочек, Цюй Санья и Цюй Сыя, поспешно согласилась. Хотя Чжуан Чэнчжи ещё мал, столкновение с ними могло быть неудобным.

Чжао Хунмэй не знала, что в последнее время в доме Лян были посторонние, только слышала, что они зря потратили деньги на покупку пустошей и гор. Она поспешно спросила, что это значит.

Узнав, что для обработки этих земель семья Лян наняла людей из семьи Цюй, включая девочек, Чжао Хунмэй едва сдержала своё недовольство. Её лицо напряглось, и она с трудом выдавила:

— Вот как...

В любом случае, семья Лян должна была в первую очередь обратиться к ним, а не к семье Цюй. Почему они решили нанять Цюй? Потому что считают, что, женившись на их сыне, они теперь могут считать семью Цюй своими родственниками и больше не нуждаются в них?

Чжао Хунмэй глубоко вздохнула. Ей срочно нужно было выплеснуть свои эмоции, и она не могла больше оставаться перед Госпожой Чжуан. Под предлогом поиска сына она поспешно ушла.

Чжуан Чэнхун продолжал беззаботно сидеть в комнате, перекусывая, совершенно не обращая внимания на других. В отсутствие матери он ел ещё с большим аппетитом.

Госпожа Чжуан, увидев это, беспокоилась, что невестка может побить сына, и поспешила за ней:

— Невестка, не спеши, я попрошу Додао и Дугу помочь в поисках.

Лян Каншэн, ловко воспользовавшись моментом, когда Госпожа Чжуан подошла к двери, намеренно кашлянул и с извиняющимся видом произнёс:

— Мама, кашель, моё здоровье подводит.

Цюй И поспешно подошёл, чтобы помочь Лян Каншэну откашляться, специально раздувая ситуацию.

Сердце Госпожи Чжуан сжалось. Она остановилась на пороге, думая, что её Каншэн ни в чём не виноват. Чэнчжи, зная, что он слаб здоровьем, всё равно сказал такое...

Из-за вмешательства Лян Каншэна Госпожа Чжуан остановилась, а Чжао Хунмэй, уже выйдя из дома, поспешила быстрее найти сына, чтобы он больше не говорил таких вещей.

Однако, когда Чжао Хунмэй обыскала всё вокруг и не нашла сына, она не смогла сдержать недовольства, думая, что Госпожа Чжуан только на словах помогала, а на самом деле не хотела искать её сына, иначе почему её нигде не было видно.

Тем временем Чжуан Чэнчжи, воспользовавшись невнимательностью, убежал на улицу. Он смотрел на поля за домом Лян, вспоминая, что тётя говорила, будто почти все пустоши вокруг принадлежат их семье. В его глазах читались зависть и ревность.

<http://bllate.org/book/16698/1533701>